

УДК 93.94

**СУБЪЕКТНОСТЬ СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ ОКРАИНЫ
В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ:
ДИФФЕРЕНЦИРУЮЩИЕ ОСОБЕННОСТИ**

В.А. Матвеев

**NORTH CAUCASIAN PERIPHERY
AS A CONSTITUENT TERRITORY WITHIN THE RUSSIAN EMPIRE:
DIFFERENTIATING FEATURES**

V.A. Matveev

Аннотация. В статье отображена ретроспективная реконструкция политики на окраинах отечественного Востока. Направленность она имела на сближение с центральными и иными государственными ареалами. Дискриминирующие подходы зарубежных практик отвергались. Оформлявшиеся российские инициативы, считает автор, имели преимущество, так как основополагающим для них служил критерий равноправного подданства. Несмотря на возникавшие отклонения, субъектность также устанавливалась с учетом необходимости получения такого результата. Достигавшееся солидарное взаимодействие в историческом процессе снижало риски обострения сохранявшихся межэтнических противоречий и возникновения за счет этого конфликтов. В соответствии с официальными установками выдерживалось одинаковое отношение к соотечественникам независимо от их этнической и конфессиональной принадлежности. Такая политика проводилась и на Северном Кавказе.

Abstract. The article displays a retrospective reconstruction of politics in the outskirts of the domestic East. It was aimed at rapprochement with the central and other state areas. Discriminatory approaches of foreign practices were rejected. The Russian initiatives that were taking shape, the author believes, had an advantage, since the criterion of equal citizenship served as a fundamental criterion for them. Despite the deviations that arose, subjectivity was also established taking into account the need to obtain such a result. The achieved solidarity interaction in the historical process reduced the risks of exacerbation of the remaining interethnic contradictions and the emergence of conflicts due to this. In accordance with official guidelines, the same attitude was maintained towards compatriots, regardless of their ethnic and confessional affiliation. Such a policy was carried out in the North Caucasus as well.

Ключевые слова: административные преобразования, вертикаль власти, внутренняя самостоятельность, государственная субъектность, губернский статус, интегрирующее совмещение, неприкосновенность территорий, система управления, специфика областей, этнический фактор.

Keywords: administrative transformations, vertical of power, internal independence, state subjectivity, provincial status, integrating copulation, territorial integrity, system of governance, specificity of regions, ethnic factor.

Управление «большими территориями» для имперских образований, по сложившемуся признанию, всегда сопровождалось теми или иными затруднениями. Соответствующий зарубежный опыт содержит этому немало

подтверждений. Поиск особых подходов, отражавших этнодемографическую реальность периферии, из-за дискриминационных установок в проводимой политике при практическом применении не способствовал, как правило, преодолению состояния разделенности. К сближению правящие элиты метрополий не стремились. Поддержка проводимой ими политики оказывалась ограниченной. Российская практика устанавливаемых взаимоотношений с окраинами от других империй имела отличия. Основывалась она на намерении со временем достичь «слияния с остальными подданными» [1, л. 3–3-об]. Данная установка применялась и на Северном Кавказе. До установления российской юрисдикции расселение здесь на протяжении многих веков порождало острые конфликтные ситуации и «претензии одних народов к другим» [2, с. 55].

Территориальные споры неоднократно воспроизводили ситуации конфликтной напряженности и приводили к столкновениям. Из-за такого наследия при закреплении в государственных пределах России соотнесение административных и этнических границ в Кавказском крае явилось делом непростым, создававшим затруднения при реализации курса на преодоление локальной обособленности. Осуществлялся он с помощью соответствующих реформ. Отечественный опыт в сфере административной и территориальной организации для управления включавшейся в состав государства сопредельной иноэтнической периферии между тем во всей полноте остается не изученным. Преобладающим в нем все же, несмотря на отдельные отклонения, был конструктивный потенциал. Воссоздаваемые результаты проводившейся в прошлом российской политики позволят глубже понимать региональную специфику.

Обретение объективных знаний на этом направлении предоставляет возможность устранять из-за рецидивов территориальных разногласий вероятность возникновения межэтнических конфликтов. Сопоставления с опытом прошлого, безусловно, не дают прямые ответы на появляющиеся угрозы. Но они могут способствовать достижению понимания существующих реалий. Отдельные аспекты специфики складывания их при проведении административных преобразований на окраинах Российской империи с той или иной степенью обстоятельности получали освещение в специальных исследованиях. Проводились они и по Северному Кавказу [3]. Устанавливавшиеся преимущественно после «полного замирения края» с учетом этнической принадлежности разграничения для обеспечения удобств управления так же, как и в других частях Российской империи, имели сближающее предназначение. Нововведения так или иначе способствовали установлению государственной совмещенности.

Во второй половине XIX в. соединенность с центральными и периферийными российскими субъектами воспринял и Северный Кавказ. По аналогии с другими частями государства здесь были сформированы не только губернии, но и области, включавшие в свои границы особый состав населения [4, с. 161]. Тем самым были заложены основы функционирования «российской системы управления» [5, с. 146]. Создававшаяся субъектность служила первичным звеном преобразований, направленных на преодоление отчужденности. Предусматривалось это и при установлении различных контактных связей.

Административно-территориальными образованиями на Северном Кавказе являлись области. В их составе были выделены казачьи отделы и округа с иноэтническим населением. В соответствии с установившейся практикой в Российской империи наличие такой субъектности было характерно именно для окраин. Допускавшиеся в ряде случаев на некоторых из них объединения нескольких губерний приводили к установлению и более крупных административных единиц. Им присваивался статус генерал-губернаторств [4, с. 161]. Возглавлявшие их ставленники монарха наделялись не только гражданскими, но и военными полномочиями.

В слове «губерния» при сборе сведений о русских наречиях, диалектах и говорах В. Даль зафиксировал смысл, связанный с обозначением «области или большого округа... разделенного на уезды» [6, с. 405]. Имело оно латинское происхождение. Изначально термин указывал на особый порядок правления в той или иной римской провинции, а тот, кто был призван его поддерживать, назывался губернатором. В Российской империи уполномоченный верховной власти данного уровня также выступал непосредственным начальником вверенного ему субъекта. Данное должностное лицо рассматривалось в качестве блюстителя «неприкосновенности прав верховной власти, выгод государства и повсеместного исполнения законов, уставов, указов правительства и предписаний начальства» [7, с. 125].

Под областью понималась, согласно выявленных В.И. Далем толкований, обширная территория или даже «страна, земля, государство». В более узком значении применительно к административному делению российских окраин область выступала как «край под особым управлением, не названный губерниею». Но с ней отождествлялась и «вновь устраиваемая страна», имевшая «общее, совокупное в... духовном быту» [8, с. 593]. Области вместе с тем являлись административными единицами, имевшими отличие в некоторых аспектах от губерний [4, с. 161]. При их образовании учитывалась та или иная местная специфика. Генерал-губернаторствами являлись преимущественно «пограничные губернии», иногда «по три, по четыре» [6, с. 405], а в «Великом княжестве Финляндском» их насчитывалось восемь [4, с. 112].

В Российской империи таких образований существовало несколько. Кавказский край выделялся среди них по своим условиям. Территория его прилегала к внешней границе. Вариант административного обустройства северных пространств Кавказа прослеживается также в субъектности Степного генерал-губернаторства, включавшего Акмолинскую и Семипалатинскую области [4, с. 112]. Такое разделение во второй половине XIX в. в качестве опыта было внедрено и в Туркестанском крае, образованном после присоединения среднеазиатских «владений» к России. По цивилизационному тяготению к зарубежному Востоку эта часть империи имела наибольшее сходство с территориями расселения мусульман северокавказской окраины.

Туркестанское генерал-губернаторство состояло из Сырдарьинской и Ферганской областей, образованных соответственно в 1867 и 1876 гг.

При административном совмещении в составе Российской империи данные субъекты были созданы на территории упраздненного Кокандского ханства. В 1868 г. из земель Бухарского и Хивинского ханств создается Зеравшанский округ, преобразованный в 1887 г. в Самаркандскую область, а в 1873 г. – Амударьинский отдел [9, с. 7]. Изменения во внутреннем разграничении Туркестанского генерал-губернаторства происходили и в дальнейшем. В 1899 г. в него была включена созданная из прилегающих к морю пространств Закаспийская область, чем, собственно говоря, завершился процесс формирования обширного края [9, с. 7].

Входила в Туркестанское генерал-губернаторство и населенная в том числе русскими казаками Семиреченская область [4, с. 112]. Административный контроль над его территорией отличался разнообразием, зависевшим от конкретных условий. После завершения формирования Туркестанского края как особой субъектной единицы Бухара, к слову, оставалась де-юре в «состоянии протектората» с Россией, хотя могла быть включена в ее состав. При сохранении такого статуса учитывался и международный резонанс, прежде всего в странах зарубежного Востока [10, с. 52, 57]. Англия, разделившая Индию на британскую и туземную части [11, с. 30], в отношении некоторых государств последней также поддерживала протекторат [12, с. 237]. В первом случае административные территории находились под непосредственным управлением метрополии, во втором – были подчинены ее влиянию [13, с. 356].

Однако в Британской Индии в административном контроле над провинциями преобладали корыстные намерения английских служащих превратить их в подобие «коронных колоний» и навязать распорядки метрополии [14, с. 350]. В России выдерживалось бережное отношение к местным самобытным укладам. Вследствие этого в странах зарубежного Востока к политике ее на окраинах относились с симпатиями. Резкая ломка традиционных устоев в российских подходах к иноэтническим подданным не допускалась. С учетом особенностей при определении административных границ на Кавказе и в Туркестане предусматривались так же, как и в некоторых других генерал-губернаторствах, области, отделы, округа. Но в обустройстве этих окраин устанавливались не только централизующие связи, но и сохранялись различия [15, с. 35].

На северокавказской окраине предназначение областей, отделов, округ, в отличие от Туркестанского генерал-губернаторства, имело свою специфику. На ее формировании сказывались этнодемографический и цивилизационный факторы. В пространственной организации российской периферии, судя по всему, учитывалась применявшаяся практика в ряде стран зарубежного Востока. В административно-территориальном делении Османской империи, например, также существовали генерал-губернаторства (вилайеты), включавшие в свой состав провинции (лива), состоявшие из округ (каза) [16, с. 234]. В них объединялись сельские общины. Пространство Турции разграничивалось, кроме того, на губернаторства, санджаки и воеводства [16, с. 186].

Некоторые совпадения с российскими версиями обустройства иноэтнических территорий прослеживаются и в Китае. Провинции в этой восточной

империи разделялись на области, также состоявшие из округов и отделов. Они обладали относительной независимостью. Формой административной организации на местах служили уезды. Правительственная власть в китайских провинциях предоставлялась генерал-губернаторам [17, с. 59]. Взаимосвязанность между ними и ядром государственного пространства в преобладающей степени носила конфедеративный характер. Окраины в Китае (Маньчжурия, Монголия, Тибет и др.) сохраняли признаки разобщенности с центральными частями [18, с. 294]. В Российской империи она так или иначе преодолевалась.

Отражавший местную специфику субъектный статус территорий с особым составом населения не создавал препятствий для интеграции. Дифференцированность соблюдалась и в обустройстве имевших субэтнические отличия ответвлений русских славян. Формой административной организации казачества, как уже отмечалось, являлись области [5, с. 148]. На Северном Кавказе они были созданы для кубанского и терского войсковых сообществ. С утверждением же, что подданные края иной этнической и конфессиональной принадлежности «не имели органов самоуправления» [5, с. 148], нельзя согласиться. Централизация для всех окраин отечественного Востока вводилась с неукоснительным соблюдением неприкосновенности внутренних традиционных укладов и этнического быта. Устанавливалась разновидность статуса в своеобразном формате косвенной подчиненности.

А.А. Цуциев считает, что курс «на унификацию управления регионами империи» наметился лишь после восстания в Польше с 1831 г. Вооруженный конфликт в данном субъекте империи показал, по его мнению, «уязвимость позиций России в ее потенциально автономных... периферийных провинциях» [19, с. 19]. На Кавказе это привело, подытожил А.А. Цуциев, к разукрупнению административных образований [19, с. 19]. На самом же деле, на мой взгляд, она была необходима для обеспечения эффективности управления. Унифицирующие же нововведения в российской системе управления допускались при крайней необходимости. Преобладающими они отнюдь не являлись.

Сельское устройство в пределах иноэтнических ареалов имело свои особенности. Характерное для центральных губерний деление на волости на Северном Кавказе отсутствовало. Здесь существовала только одна административно-хозяйственная единица – сельские общества. Причем они функционировали на совершенно иных началах, чем во внутренней России, и фактически представляли и волостную и сельскую организацию [20, л. 2-об]. Самобытные начала тем самым не нарушались.

Волости же в центральных губерниях состояли, как правило, из нескольких сельских обществ, административно объединенных общим сходом и властью старосты [4, с. 163]. Они являлись для русских крестьян традиционной формой организации самоуправления, функционировавшей на протяжении многих веков [21, с. 25]. Упоминания же о волостях относятся еще к XI в. [22, с. 94]. Состояли они из общин (сельских обществ), занимавших определенные территории. Функционирование их основывалось на самоуправлении.

По сведениям, выявленным в разговорном обиходе В.И. Далем при составлении толкового словаря, общество воспринималось как «круг людей, объединенных общностью... происхождения» или «исторически обусловленными социальными формами совместной жизни и деятельности» [8, с. 438].

Под ним также подразумевалась «совокупность людей», осуществляющих хозяйственную деятельность в единой среде. Общества. По научной классификации общества подразделяются на открытые и закрытые [23, с. 18, 21]. Каждому из них присущи и свои типологические признаки. Административные деления территории государства, основывавшиеся на сельских общинах, объединялись в уезды. Вследствие вызванных предопределенными реформы 1861 г. волости превратились в единицы сословного крестьянского управления. После реорганизации в 1889 г. они оказались подчиненными земским начальникам [22, с. 94]. Во второй половине XIX в. сельское общество, выступая низшей единицей территориальной организации в России, включало одно или несколько сел, владевших совместными угодьями [24, с. 618]. В этом состояло различие с иноэтнической периферией.

В положении «Об аульных обществах в горском населении Кубанской и Терской областей...» разъяснялось, что данные объединения «составляются из всех жителей одного аула, без различия, на какой бы земле они не жили (на казенной или частной)» [25, л. 114]. В результате последующих корректировок аульные общества по правовым регламентациям восприняли сходство с крестьянскими объединениями внутренних губерний России, но вместе с тем сохраняли сложившееся ранее своеобразие. Это отмечалось и в официальной служебной переписке [26, л. 7]. Общинные порядки для горцев Северного Кавказа по-прежнему оставались основой взаимодействия. Продолжали они сохраняться и в местах компактного расселения армян, грузин, а также у значительной части восточнославянского населения. В ряде случаев происходили даже возвращения к общинному укладу там, где он раньше подвергался разрушению [27, с. 4–5]. Проявлялось это в различных формах и в городах, куда в поисках заработков перемещались отходники из сельских обществ.

В результате проведенных преобразований, законодательно закрепленных в 1883 и 1896 гг., административно-территориальное разделение Кавказа к началу XX в. выглядело следующим образом. Южная часть края состояла из губерний Тифлисской, Кутаисской, Елисаветпольской, Эриванской, Бакинской и Черноморской, а также областей Батумской, Карской и Дагестанской. Наряду с ними в Закавказье входили округа Закатальский и Сухумский. На округа делилась и Черноморская губерния [28, л. 23]. Северный Кавказ официально состоял только из Кубанской и Терской областей [28, л. 23]. Такое разделение его было связано с намечавшимся переходом к гражданскому управлению [29, л. 34]. Хотя в административном отношении Дагестанская область и Черноморская губерния были причислены к Закавказью, тяготели они все же к северным частям края [30, л. 2–3]. Наличие такой связи проявлялось, когда еще только формировалась российская субъектность данного региона.

Отмечалось это и в начале XX в. в предоставлявшихся отчетах монарху наместника его императорского величества И.И. Воронцова-Дашкова. Описание обстановки, складывавшейся в те или иные периоды, содержали в ряде случаев констатации: «В областях Северного Кавказа... Кубанской и Терской, а также Дагестанской» [31, л. 36-об]. Упоминалась в перечислениях иногда и Черноморская губерния. Преодолению сепаратистской отчужденности на окраинах Российской империи способствовал выдерживавшийся в проводившейся политике принцип «единого Отечества». В соответствии с ним предполагалось установление субъектного равенства и административной совместимости с остальным государственным пространством.

На Северном Кавказе административный статус кубанского и терского казачества оформление получил в областном делении. Обустройство в данном случае также сочеталось с самоуправлением. Для казачьих войск в основу его были положены отделы. Аульные общества в Дагестанской, Кубанской и Терской областях распределялись по округам. При их выделении также во многом соблюдалась местная специфика. Разделение окраин соответствовало этнодемографическим особенностям местностей и не нарушало сложившихся в прошлом реалий. Дифференциации с направленностью на сохранение самобытности способствовали и создававшиеся на российских окраинах с особым составом иноэтнического населения более мелкие административные единицы в виде участков, станов и иных подразделений [4, с. 212]. В организации российской периферии с исповедовавшими ислам подданными прослеживается и некая преемственность с тем, что существовало в ряде стран зарубежного мусульманского Востока.

Российская субъектность в целом соответствовала локальным особенностям. При ее установлении во внимание также принималась этнодемографическая специфика. По замыслам П.А. Столыпина, Российской империю предполагалось разделить на области. В них преобразовать намечалось и губернии. Проектом реформы предусматривалось области наделить правами внутреннего самоуправления, возможностями иметь свои представительные учреждения и подчиняющиеся центру по властной вертикали управленческие органы [32, с. 21]. Децентрализация должна была укрепить субъектное равенство, распространив его даже на те окраины, которые имели административную обособленность. Польша и Финляндия обладали, в частности, в составе Российской империи более широким автономным статусом [32, с. 298–299].

П.А. Столыпин разделял, судя по всему, существовавшую у части интеллигенции и государственных служащих обеспокоенность по поводу «больших прав» окраин по сравнению с русскими губерниями [33, с. 85]. Отразив влияние намечавшейся в России реорганизации, определение «область содержательно в начале XX в. могло видоизмениться. Обобщая изложенное, отметим и то, что через административно-территориальные преобразования на Северном Кавказе устанавливалось системное равновесие в пределах края, налаживалось солидарное межэтническое взаимодействие.

Некоторые народы края до вхождения в состав России не имели единой территории. Сформировавшееся пространство расселения у них отсутствовало.

Из-за существовавшей непростой этнодемографической ситуации и разделенных чересполосицей обособлений создание его, несмотря на предпринимаемые попытки, не было достигнуто и впоследствии [34, с. 13–15]. Этнические консолидации тем не менее везде находились еще на стадии переходности и в фазу завершения вступили под воздействием проводившейся политики и устанавливаемой при ее осуществлении субъектности. Лишь при российском подданстве она стала обретать конкретизирующую системность.

Происходило складывание как солидарного регионального, так и общегражданского фактора [35, с. 359]. Субъектное обустройство в составе Российской империи способствовало появлению данной реальности. На Северном Кавказе так же, как и на других окраинах, основывалось оно на сочетании внутренней автономности и внешних государственных ограничений. Со ставкой на долговременный компромисс и постепенность перемен обеспечивалось межэтническое сближение и на Северном Кавказе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания. – Ф. 224. – Оп. 1. – Д. 134. – Текст : непосредственный.
2. Дзидзоев, В. Д. Национальная политика на Северном Кавказе: вызовы и ответы XXI века (проблемы российской государственности) / В. Д. Дзидзоев. – Текст : непосредственный // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. – 2006. – № 3. – С. 54–60.
3. Калмыков, Ж. А. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии (конец XVIII – начало XX века) / Ж. А. Калмыков. – Нальчик : Эльбрус, 1995. – 125 с. – Текст : непосредственный.
4. Россия. Энциклопедический словарь (Б/и.: Брокгауз Ф. А. и Ефрон И. А. СПб., 1898). – Л. : Лениздат, 1991. – 922 с. – Текст : непосредственный.
5. Хасбулатов, А. И. Административно-территориальные и управленческие преобразования в Чечне во II половине XIX – начале XX в. / А. И. Хасбулатов. – Текст : непосредственный // Кавказ: проблемы культурно-цивилизационного развития: Кавказский регион: проблемы культурного развития и взаимодействия : доклады Всероссийской научно-практической конференции (г. Ростов-на-Дону, 22–23 декабря 1999 г.). – Ростов н/Д. : ИРУ, 2000. – С. 145–167.
6. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 томах. Том 1: А–З / В. Даль. – М. : Русский язык, 1989. – 699 с. – Текст : непосредственный.
7. Словарь иностранных слов. – М. : Терра-книжный клуб, 2009. – 398 с. – Текст : непосредственный.
8. Толковый словарь живаго великорускаго языка Владимира Даля : в 4 томах. Том 2: И–О. – Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. – СПб., М. : Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1881. – 807 с. – Текст : непосредственный.
9. Ишанов, А. И. Создание Бухарской Народной Советской республики (1920–1924 гг.) / А. И. Ишанов. – Ташкент : Издательство АН Узбекской ССР, 1955. – 180 с. – Текст : непосредственный.
10. Покровский, С. П. Международные отношения России и Бухары в дореволюционное время и при Советской власти – до национального размежевания Средне-Азиатских республик / С. П. Покровский. – Текст : непосредственный // Бюллетень Средне-Азиатского государственного университета. – 1928. – № 17. – С. 52–57.

11. Шейэ, Ж. Современная Индия : в 2 частях. Часть 1: Туземное общество : [пер. с фр.] / Ж. Шейэ. – СПб. : Брокгауз-Ефрон, 1912. – 194 с. – Текст : непосредственный.
12. Шейэ, Ж. Современная Индия : в 2 частях. Часть 2: Туземная политика : [пер. с фр.] / Ж. Шейэ. – СПб. : Брокгауз-Ефрон, 1913. – 412 с. – Текст : непосредственный.
13. Индия под английским владычеством. Сочинение барона Барту де Паноэна : в 2 томах. Том 1 : [пер. с фр.]. – М. : Университетская типография, 1848. – 562 с. – Текст : непосредственный.
14. Гобсон, И. Империализм / И. Гобсон. – Л. : Государственная типография издательства «Ленинградская правда», 1927. – 286 с. – Текст : непосредственный.
15. Киняпина, Н. С. Административная политика царизма на Кавказе и в Средней Азии в XIX в. / Н. С. Киняпина. – Текст : непосредственный // Вопросы истории. – 1983. – № 4. – С. 35–47.
16. Турецкая империя. Сочинение Альфреда де Бессе. Издание книгопродавца Манухина. : [пер. с фр.]. – М. : Типография В. Готье, 1860. – 314 с. – Текст : непосредственный.
17. Шмидт, П. П. Конспект лекций по политической организации Китая / П. П. Шмидт. – Владивосток : Издание Восточного института, 1911. – 63 с. – Текст : непосредственный.
18. Паркер, Э. Китай: его история, политика и торговля с древнейших времен до наших дней / Э. Паркер ; пер. с англ. 2-го изд. действительный член Императорского Русского географического общества Генерального штаба полковник Грулев. – СПб. : Типография Транке и Фюсно, 1903. – 569 с. – Текст : непосредственный.
19. Цуциев, А. А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004) / А. А. Цуциев. – М. : Европа, 2006. – 127 с. – Текст : непосредственный.
20. Российский государственный исторический архив. – Ф. 1276 (Совет министров). – Оп. 19. – Д. 26. – Текст : непосредственный.
21. Шульгин, В. В. Годы. Дни. 1920 год / В. В. Шульгин. – М. : Новости, 1990. – 832 с. – Текст : непосредственный.
22. Згурский, Г. В. Словарь исторических терминов / Г. В. Згурский. – М. : Эксмо, 2008. – 464 с. – Текст : непосредственный.
23. Меликишвили, Л. Открытые и закрытые типы культур этнических систем / Л. Меликишвили. – Текст : непосредственный // Адат. Кавказский культурный круг: Традиции и современность. Международный НИИ народов Кавказа. – Москва–Тбилиси : Издательство журнала «Звезда», 2003. – 256 с. – С. 18–23.
24. Большой юридический словарь. – М. : ИНФРА-М, 1998. – 790 с. – Текст : непосредственный.
25. Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 1 (Канцелярия Военного министерства). – Оп. 1. – Д. 28963. – Текст : непосредственный.
26. Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 400. – Оп. 1. – Д. 4212. – Текст : непосредственный.
27. Кравченко, А. И. Теория некапиталистического развития для сельской общины / А. И. Кравченко. – Текст : непосредственный // Воронцов В. П. Артель и община : избранные сочинения. – М. : Астрель, 2008. – 1072 с. – С. 3–38.
28. Российский государственный исторический архив. – Ф. 1276 (Совет министров). – Оп. 19. – Д. 1. – Текст : непосредственный.
29. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 1318 (Наркомнац РСФСР). – Оп. 1. – Д. 645. – Текст : непосредственный.

30. Центральный исторический архив Грузии. – Ф. 13. (Канцелярия наместника на Кавказе. 1905–1917 гг.). – Оп. 1. – Д. 20. – Текст : непосредственный.
31. Российский государственный исторический архив. – Ф. 1276 (Совет министров). – Оп. 19. – Д. 220. – Текст : непосредственный.
32. Столыпин, П. А. Нам нужна Великая Россия... : полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. / П. А. Столыпин. – М. : Молодая гвардия, 1991. – 411 с. – Текст : непосредственный.
33. Строганов, В. Русский национализм, его сущность, история и задачи / В. Строганов. – М. : Полиграфист, 1997. – 87 с. – Текст : непосредственный.
34. Керейтов, Р. Х. Ногайцы. Особенности этнической традиции и бытовой культуры / Р. Х. Керейтов. – Ставрополь : Сервисшкола, 2009. – 464 с. – Текст : непосредственный.
35. Кипкеева, З. Б. Народы Северо-Западного и Центрального Кавказа: миграции и расселение (60-е гг. XVIII в. – 60-е гг. XIX в.) / З. Б. Кипкеева. – М. : Издательство Ипполитова, 2006. – 360 с. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya. F. 224. Op. 1. D. 134 [Central State Archive of the Republic of North Ossetia-Alania].
2. Dzidzoev V. D. Natsional'naya politika na Severnom Kavkaze: vyzovy i otvety XXI veka (problemy rossiiskoi gosudarstvennosti) [National policy in the North Caucasus: challenges and responses of the 21st century (problems of Russian statehood)]. *Izv. vuzov. Sev.-Kavk. region. Obshchestvennye nauki* [Izv. universities. North-Kavk. region. Social Sciences], 2006, no. 3, pp. 54–60.
3. Kalmykov Zh. A. Ustanovlenie russkoi administratsii v Kabarde i Balkarii (konets XVIII – nachalo XX veka) [Establishment of Russian administration in Kabarda and Balkaria]. Nalchik: Elbrus, 1995. 125 p.
4. Rossiya. Entsiklopedicheskii slovar'. (B/i.: Brokgauz F.A. i Efron I.A. SPb., 1898). [Russia. Encyclopedic Dictionary]. Leningrad: Lenizdat, 1991. 922 p.
5. Khasbulatov A. I. Administrativno-territorial'nye i upravlencheskie preobrazovaniya v Chechne vo II pol. XIX – nach. XX v. [Administrative-territorial and managerial transformations in Chechnya in the II half XIX – early 20th century]. *Caucasus: problems of cultural and civilizational development. Reports of the All-Russian Scientific and Practical Conference Caucasian Region: Problems of Cultural Development and Interaction (Rostov-on-Don, December 22–23, 1999)*. Rostov-on-Don: IRU, 2000. Pp. 145–167.
6. Dal' V. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: T. 1–4. T. 1: A–Z* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. Moscow: Rus. yaz., 1989. 699 p.
7. *Slovar' inostrannykh slov* [Dictionary of foreign words]. Moscow: Terra-book club, 2009. 398 p.
8. *Tolkovyi slovar' zhivago velikoruskago yazyka. Vladimira Dal'ya. Vtoroe izdanie, ispravlennoe i znachitel'no umnozhennoe po rukopisi avtora. T. 2: I–O* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. SPb., Moscow: Edition of the bookseller-typographer M.O. Wolf, 1881. 807 p.
9. Ishanov A. I. *Sozdanie Bukharskoi Narodnoi Sovetskoi respubliki (1920–1924 gg.)* [Creation of the Bukhara People's Soviet Republic]. Tashkent: Publishing House of the Academy of Sciences of the Uzbek SSR, 1955. 180 p.

10. Pokrovskii S. P. Mezhdunarodnye otnosheniya Rossii i Bukhary v dorevolutsionnoe vremya i pri Sovetskoi vlasti – do natsional'nogo razmezhevaniya sredne-aziatskikh respublik [International relations between Russia and Bukhara in pre-revolutionary times and under Soviet power – before the national delimitation of the Central Asian republics]. Bulletin of the Central Asian State University, 1928, no. 17, pp. 52–57.
11. Sheie Zh. Sovremennaya Indiya. Ch. 1: Tuzemnoe obshchestvo: per. s fr. [Modern India. Part 1: Indigenous society: trans. from fr.]. SPb.: Brockhaus-Efron, 1912. 194 p.
12. Sheie Zh. Sovremennaya Indiya. Ch. 2: Tuzemnaya politika: per. s fr. [Modern India. Part 2: Native politics: trans. from fr.]. SPb.: Brockhaus-Efron, 1913. 412 p.
13. Indiya pod angliiskim vladychestvom. Sochinenie barona Bartu de Panoena. Per. s fr. T. 1 [India under English rule. Composition of Baron Barthou de Panoen. Per. from fr. T. 1]. Moscow: University Printing House, 1848. 562 p.
14. Gobson I. Imperializm [Imperialism]. Leningrad: State Printing House of the Leningradskaya Pravda Publishing House, 1927. 286 p.
15. Kinyapina N. S. Administrativnaya politika tsarizma na Kavkaze i v Srednei Azii v XIX v. [The administrative policy of tsarism in the Caucasus and Central Asia in the 19th century]. Questions of history, 1983, no. 4, pp. 35–47.
16. Turetskaya imperiya. Sochinenie Al'freda de Besse. Izdanie knigoprodavtsa Manukhina. Per. s fr. [Turkish Empire. Composition by Alfred de Besse]. Moscow: Printing house of V. Gauthier, 1860. 314 p.
17. Shmidt P. P. Konspekt lektsii po politicheskoi organizatsii Kitaya [Lecture notes on the political organization of China]. Vladivostok: Edition of the Oriental Institute, 1911. 63 p.
18. Parker E. Kitai: ego istoriya, politika i trgovlya s drevneishikh vremen do nashikh dni. Per. s angl. 2-go izd. deistvitel'nyi chlen Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva General'nogo shtaba polkovnik Grulev [China: its history, politics and trade from ancient times to the present day]. SPb.: Tranke and Fusno Printing House, 1903. 569 p.
19. Tsutsiev A. A. Atlas etnopoliticheskoi istorii Kavkaza (1774–2004) [Atlas of the ethnopolitical history of the Caucasus]. Moscow: Europe, 2006. 127 p.
20. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv. F. 1276 (Sovet ministrov). Op. 19. D. 26 [Russian State Historical Archive].
21. Shul'gin V. V. Gody. Dni. 1920. [Years. Days. 1920]. Moscow: Ed. Novosti, 1990. 832 p.
22. Zgurskii G. V. Slovar' istoricheskikh terminov [Dictionary of historical terms]. Moscow: Eksmo, 2008. 464 p.
23. Melikishvili L. Otkrytye i zakrytye tipy kul'tur etnicheskikh system [Open and closed types of cultures of ethnic systems]. Adat. Caucasian cultural circle: Traditions and modernity. International Research Institute of the Peoples of the Caucasus. Moscow–Tbilisi: Publishing house of the magazine Zvezda, 2003. Pp. 18–23.
24. Bol'shoi yuridicheskii slovar' [Big legal dictionary]. Moscow: INFRA-M, 1998. 790 p.
25. Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv. F. 1 (Kantselyariya Voennogo ministerstva). Op. 1 D. 28963 [Russian State Military Historical Archive].
26. RGVA. F. 400. Op. 1. D. 4212.
27. Kravchenko A. I. Teoriya nekapitalisticheskogo razvitiya dlya sel'skoi obshchiny [Theory of non-capitalist development for the rural community]. Artel and community. Moscow: Astrel, 2008. Pp. 3–38.

28. RGIA. F. 1276 (Sovet ministrov). Op. 19. D. 1.
29. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. F. 1318 (Narkomnats RSFSR). Op. 1. D. 645 [State Archive of the Russian Federation].
30. Tsentral'nyi istoricheskii arkhiv Gruzii. F. 13 (Kantselyariya namestnika na Kavkaze. 1905–1917 gg.). Op. 1. D. 20 [Central Historical Archive of Georgia].
31. RGIA. F. 1276 (Sovet ministrov). Op. 19. D. 220.
32. Stolypin P. A. Nam nuzhna Velikaya Rossiya...: Poln. sobr. rechei v Gosudarstvennoi dume i Gosudarstvennom sovete. 1906–1911 gg. [We need Great Russia...: Full. coll. speeches in the State Duma and the State Council]. Moscow: Young Guard, 1991. 411 p.
33. Stroganov V. Russkii natsionalizm, ego sushchnost', istoriya i zadachi [Russian nationalism, its essence, history and tasks]. Moscow: Polygraphist, 1997. 87 p.
34. Kereitov R. Kh. Nogaitsy. Osobennosti etnicheskoi traditsii i bytovoii kul'tury [Nogais. Features of ethnic tradition and everyday culture]. Stavropol: Servisshkola, 2009. 464 p.
35. Kipkeeva Z. B. Narody Severo-Zapadnogo i Tsentral'nogo Kavkaza: migratsii i rasselenie (60-e gg. XVIII v. – 60-e gg. XIX v.) [Peoples of the North-Western and Central Caucasus: migrations and resettlement]. Moscow: Ippolitov Publishing House, 2006. 360 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Матвеев, В. А. Субъектность северокавказской окраины в составе Российской империи: дифференцирующие особенности / В. А. Матвеев. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2023. – № 1. – С. 127–138.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Matveev V. A. North Caucasian Periphery as a Constituent Territory Within the Russian Empire: Differentiating Features / V. A. Matveev // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2023, No. 1, pp. 127–138. (In Russian).